

УДК 821.161+81'42
ББК Ш141.2-03

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Т. В. Михайлова, А. В. Михайлов
Красноярск, Россия

T. V. Mikhaylova, A. V. Mikhaylov
Krasnoyarsk, Russia

**ОПОРА НА «СТАРИНУ»
В РЕШЕНИЯХ СТОГЛАВОГО СОБОРА:
ПРОШЛОЕ
В КОНСТРУИРОВАНИИ БУДУЩЕГО**

**RELIANCE ON THE «OLD DAYS»
IN DECISIONS OF STOGLAVYJ SOBOR:
THE PAST TO DESIGN
THE FUTURE**

Аннотация. Проанализирован текст церковно-правового памятника XVI в. — «Стоглава», в котором отражены решения Стоглавого собора 1551 г. Прослежена авторитетность смыслов «первого слова» и ориентация на деятельность предыдущих православных русских правителей. Выявлен высокий статус старины в Стоглаве. Семантика «стародавности» используется как основа для упорядочивания различных «нестроений» в области политики и права этого периода. Описаны приемы формирования оценки и решения задач текущей политики через «исправление» и «возврат к прежнему». **Старина** в потестарном тексте становится идеологемой, отражающей исходные православные и общегосударственные ценности.

Abstract. This article studies Church-legal Russian text of the XVI century — “Stoglav”, which reflected the decisions of Stoglavyyj Sobor in 1551. Traced is the credibility of the meanings of «first words» and focus is laid on the work of the previous Russian Orthodox rulers. High status of antiquity in “Stoglav” is revealed. The semantics of ancient times is used as a basis for suppression of various disorders in the area of policy and law of that period. Described are the formative evaluation and solution of the tasks of the current policy through the fixation and return to the old. **Antiquity** in the texts of the authorities becomes ideologem reflecting the original Orthodox and national values.

Ключевые слова: текст Стоглава; приемы обоснования авторитетности; православные и государственные ценности; прецедент; старина как идеологема.

Key words: text of “Stoglav”; techniques of substantiation of credibility; Orthodox and national values; precedent; “starina” as ideologem.

Сведения об авторе: Михайлова Татьяна Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, гуманитарный факультет.

About the author: Tatiana Vitalyevna Mikhaylova, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Public Relations, Faculty of the Humanities.

Место работы: Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева (Красноярск).

Place of employment: Siberian State Aerospace University in Krasnoyarsk.

Контактная информация: 660014, г. Красноярск, просп. им. газеты Красноярский рабочий, д. 31.
e-mail: ta.rada@mail.ru.

Сведения об авторе: Михайлов Алексей Валерианович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, гуманитарный факультет.

About the author: Aleksey Valerianovich Mikhaylov, Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the Chair of Public Relations.

Место работы: Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева (Красноярск).

Place of employment: the Siberian State Aerospace University in Krasnoyarsk.

Контактная информация: 660014, г. Красноярск, просп. им. газеты Красноярский рабочий, д. 31.
e-mail: avm_2006_64@mail.ru.

А то, что древней, всё лучше.

Протоиерей Дмитрий Смирнов
[Смирнов 2012]

В XVI в. древнерусская культура переживает период возобновления и закрепления прежних культурных и церковных традиций. Появляется ряд важнейших источников, отражающих динамику русской ментальности: «Судебник» 1550 г., «Деяния Стоглавого собора» 1551 г. [Дьяконов 1889; Емченко 2000; Исаев, Золотухина 2003; Стефанович 1909].

Среди них особое место занимают идейные основания Стоглавого собора 1551 г.

Решения Стоглавого собора стали частью реформ этого периода, связанных с важнейшими сторонами жизни государства. Осуждаются церковные «нестроения», беспорядок в церковном богослужении, волкитство и взяточничество в церковном су-

де, безнравственность поведения как духовенства, так и мирян» [Емченко 2000: 7].

Необходимо было привести жизнь Русского царства во всё в соответствие с христианскими представлениями и верой, поэтому в императивных высказываниях православного правителя выражена основная политическая задача, которая должна была быть «считанной» читателями того времени, — стремление высших властей страны к идеальному православному царству: *бога ради потружайтесь, во еже исправити истинная и непорочная наша хрестыянская вера, иже от божественного писания во исправление церковному благочинию и царскому благозаконию* [Стоглав, гл. 6]. Идеал задан — «церковное благочиние и царское благозаконие».

Как известно, политическая культура средневековой Руси основывалась не на правовых, а на христианских этических категориях. По мнению А. И. Филюшкина, источников средневекового права два — прецедент и аналогия. Переводные законы, которые на Руси были известны (Эклога, Номоканон, отрывки из Земледельческого закона), приживались плохо и распространения не получили. Механизм генезиса политической и правовой культуры был иной, чем в Новое время: нельзя было привнести политико-правовые нормы, они обязательно должны были иметь ясную и общепонятную аналогию в политической и правовой практике эпохи.

В связи с этим представляется, что корни данных категорий следует искать в христианских текстах. По мнению исследователя, одинаковый источник порождал одинаковое прочтение и использование в обществах, находящихся примерно на одной стадии развития. Можно лишь говорить, что их надо искать как в сфере политической практики эпохи (прецеденты), так и в Священном Писании и святоотеческих текстах [Филюшкин 2006: 23—24].

Русский политико-правовой дискурс середины XVI в. в своих логико-аргументационных построениях также опирается на эти сферы. Процесс упорядочивания различных «нестроений» в области политики и права данного периода использует аргументы, основывающиеся на семантике старины, традиций, возвращающие адресата к исходным общенародным и общегосударственным ценностям. Ф. И. Буслаев отмечал, что в Стоглаве «все новое и чужое запечатлено клеймом проклятия и вечной гибели; все же свое, родное, испокон веков идущее по старине и преданию, свято и спасительно» [Буслаев 1861: 233].

Текст Стоглава включает в себя два важных для авторов данной работы смысла: ориентацию на эпоху «первого слова» и ориентацию на деятельность предыдущих православных русских правителей, на традиции великокняжеского рода. Надо отметить, что в первом случае семантика старины эксплицирует религиозно-символические смыслы, которые включают в свои презумпции представление о Божественном предопределении и о дуалистичности мира — мира вечного, небесного и мира временного, земного. В другом случае идеи старины опираются на авторитетные аналогии и прецеденты.

«СТАРИНА» В РЕЛИГИОЗНО-СИМВОЛИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ. Тема истинности православной веры в тексте Стоглава, на наш взгляд, является важнейшей, ибо желанием приблизить Российское царство к идеальному православному государству и был вызван сам Собор: *Доблий же он миротворец, державный самодержец, прекроткий царь Иван мнозем разумом и мудростию венчан и в совершением благочестии царство содержа, осияваем благодатию божественного духа, зело воспалися утробою и с теплым желанием подвижеся, не токмо о устроении земском, но и о многоразличных церковных исправлении. И возвещает отцу своему преосвященному Макарию митрополиту всеа Руси, и собор божиих слуг совокупити повеле вскоре* [Стоглав, гл. 2].

Маркерами религиозно-символического типа описания являются понятия и лексемы «благодать», «Божий дух», «Божественные правила», «христианский», «православный», «истинный». Текст Стоглава проявляет православные представления о сущности царской власти, о взаимосвязи «земского» и церковного «устроения», о симфонии властей: *Аще ли аз буду вам супротивен кроме божественных правил вашему согласию, вы о сем не умолкните, аще преслушник буду, воспретите ми без всякого страха, да жива будет душа моя и все подлежащим нам, яко да непорочен будет истинный православный хрестыянский закон и славится в нем пресвятое имя Отца и Сына и святаго Духа всегда и ныне и присно и во веки веком, аминь* [Стоглав, гл. 3].

Идея получения из прямого Божественного источника религиозно-этических норм и образцов поведения, по которым должно жить в христианском государстве, эксплицирована в обращении молодого царя Ивана Васильевича к Стоглавому собору: *Сам бо предаде божественным своим учеником и апостолом, они же убо предаша иже по*

них, даже и **дoныне** слово спасительное Господа Иисуса Христа **доиде** [Стоглав, гл. 3].

Развертывание словосочетания «древняго предания» происходит за счет постоянного атрибутивного текстового расширителя — **хрестыянския истинныя нашея веры**. Древность веры, видимо, для создателей Стоглава является гарантом ее истинности, поэтому лексемы «древний» и «истинный» синтагматически связаны друг с другом постоянно: *И на тех святыя молитвы уповая, предлагаем совет вашей отеческой любви, еже поутвердити **древняго предания хрестыянския истинныя нашея веры*** [Стоглав, гл. 3].

Семантика первоначальной эпохи христианства проявляется в самом словосочетании «древнее предание», где она присутствует имплицитно, в «свернутой» форме, и в текстовом расширителе, достаточно ясно определяющем источник вероучения: *еже от самого создателя нашего предание* [Стоглав, гл. 4].

Ситуация «передачи» учения может быть только названа, при этом из участников ситуации эксплицируется лишь адресат: ***Мы** же убо празнуем и ликоствуем и прославляем по уставу якоже предаша нам* [Там же]. И наоборот, существуют высказывания, когда элиминируется адресат, а адресант специально обсуждается. Например, антитеза *еже от самого создателя нашего предание, а не от слуги ни от посланного* [Там же] подчеркивает важность получения «предания» из прямого источника — от самого Господа Бога.

Вторая глава Стоглава начинается рядом Божественных номинаций, выстроенных в цепочечной последовательности: **Премилостивый и милосердый бог, прехитрый содетель всея твари видимыя и невидимыя, великий промысленик человеческому животу и спасению, и во всей своей твари, якоже на небеси в солнцы и в луне и во звездах, также и на земли, и в мори, и во птицах и в зверех, и в скотех, и в рыбах, и в гадах** [Стоглав, гл. 2]. Последующая аргументация выстраивается на анафорической отсылке: ***Сам бо предаде божественным своим учеником и апостолом, они же убо предаша иже по них, даже и дoныне слово спасительное Господа Иисуса Христа доиде*** [Там же]. Показанная в тексте иерархизированная последовательность передачи «слова» маркирует дошедшее «дoныне» учение как истинное.

Сакральные знания, переданные по иерархии, следует сохранять, поэтому в тексте появляются предикаты «охранительной» се-

мантики «утвердить», «удержать»: *...**утвердите по правилом святых апостол и святых отец и всякие обычаи строилися по бозе в нашем царствии и при вашем святительском пастве*** [Стоглав, гл. 4]; *Также и весь священнический собор и иноческий чин, **якоже предаша вам святии отцы седми святых соборов вселенских и поместных, праведный закон удержати и истинную православную веру хрестыянскую*** [Стоглав, гл. 6].

Другой смысл, связанный с христианским учением, проявляется в призыве ко всем высшим православным силам быть свидетелями в истинности действий Стоглавого собора: *Тем же молим вы и **засвидетельствуем Господом нашим Иисусом Христом и божественными его ученики и апостолы, и святыми вселенскими семью соборы и святыми поместными соборы, и всеми святыми прежеречеными*** [Стоглав, гл. 2].

Как видим, в этом случае также используется описание божественной последовательной иерархии с целью усилить воздействие на адресата путем использования религиозно-символических маркеров.

Ориентированность авторов Стоглава на «исправление» земных законов на основании соблюдения «**божественных правил**» и «уставлений» лежит в основе аргументации многих императивных высказываний: ***От бога тако искони уставлено есть, и митрополиту блюсти без пакости все то подобает*** [Стоглав, гл. 63]; *...аще кий царь и князь или в каком сану ни буди судит **святительский суд или восхитит, или возмет что от святых церквей, или от святых монастырей, возложенных богowi в наследие благ вечных от недвижимых вещей, таковыи по божественным правилом от бога, аки святоотатцы осуждаются*** [Там же].

Семантика должностования проявляется и лексически («подобает»), и синтаксически (в сложных предложениях, включающих в себя различные семантико-синтаксические типы связи).

СТАРИНА КАК АВТОРИТЕТНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ. Архисмысл «ориентация на авторитетные аналогии и прецеденты» является одним из структурообразующих доминант данного текста. В нем соединяются, с одной стороны, семантика глубинной родовой памяти, а с другой — собственно знание «прежних» правил, законов и обычаев Российского государства.

Одной из самых важных по смыслу синтагм Стоглава, генетически восходящих к библейским текстам, является синтагма «*в род и род*», показывающая ценностную ориентацию авторов текста: *Се и судебник*

перед вами и и уставные грамоты прочтите и разсудите, чтобы было наше дело по бозе в род и род неподвижно по вашему благословению [Стоглав, гл. 4]; ...устроил бы царство его мирно и вечно в род и род и на веки [Стоглав, гл. 6].

Надо отметить, что в тексте Стоглава регулярно актуализируется сема 'неизменность во времени', так как авторам важно было выразить идею устойчивости и традиционности Московского царства. Лексемы «неподвижно», «вечно» являются маркерами этой идеи. Тема сохранения традиций, старых порядков связана с обращением к опыту «старых» людей, к их памяти: *А спрашивай, государь, о том соборе бояр своих старых, те, государь, помнят, кто на том соборе был архимандритов* (так в тексте. — Т. М., А. М.) *и игуменов, и честных старцов* [Стоглав, гл. 100].

Этот же смысл проявляется в отсылке ко временам предков: *...великое и неустойчивое богатство от многих времен при прародителях наших сокровено и забвению предано* [Стоглав, гл. 4].

Экспликация родовой семантики происходит и за счет выявления прямых родственных связей между нынешним правителем Руси и прежним: *...как, государь, соборовал дед твой и государь наш о вдовых священниках. И на том соборе у деда твоего были многих монастырей честные архимандриты* (так в тексте. — Т. М., А. М.) [Стоглав, гл. 100]; *И будет, государь, тебе угодно деда твоего государя нашего тот собор, и ты бы, государь, бога ради и тех честных монастырей архимандритов и игуменов, и старцев велел написать в той статьи во своем списке* [Там же].

Поскольку важные смыслы были забыты в ходе развития государства, то естественным представляется обращение к ним первого лица — государя. В слове царя Ивана Васильевича тема старины расширяется семемами 'воспоминание' и 'сильное желание вернуться к старым временам': *Взыде на память мне и вожде и возревнова душа моя* [Стоглав, гл. 4].

«Старое» время в анализируемом тексте воспринимается как образцовое, поэтому оценочная импликация в ряде высказываний основывается на семеме 'точка отсчета на временной шкале описываемого действия или события': *...убо новопрославлении чудотворцы по преставлении своем и донныне от далних прежних времен* [Там же]. В приведенном высказывании для выражения временной семантики используется конструкция «от + родительный падеж». Она, по мнению Т. П. Ломтева, в древнерусском тек-

сте была предназначена для указания на то, что «действие, выраженное глаголом, начинается непосредственно за тем временем, которое выражено именем существительным в родительном падеже» [Ломтев 1956: 356]. Положительная оценочность, вероятно, создается на основе смысла «продолжительность и непрерывность традиции».

Казалось бы, в системе ценностей Стоглава начало чего-либо нового не может восприниматься как положительный факт, ибо весь текст и выраженная в нем положительная оценочность опираются на авторитет старины. Однако это не совсем так. Рассмотрим пример с семантикой начала: *И тех великих новых чудотворцев молитвами начахом правити царство свое елико довлеют нам по благодати божией* [Стоглав, гл. 4].

Очевидно, что момент начала правления царства по образцам и божественным канонам, «по благодати божией», по сути есть возвращение к истокам, к священным началам, поэтому понятия старины и нового воспринимаются в данном контексте как синонимичные и, что интересно, новизна имеет положительную оценку. Можно полагать, что будущее, опирающееся на образцовое прошлое, и его образы, формируемые книжниками в текстах (сочинениях Ивана Пересветова, сказании Мегмета Салтана, повести о взятии Царьграда и др.), перекликаются с постулируемыми в Стоглаве смыслами авторитетного и истинного прошлого [Михайлова 2013: 181—185].

Семантика старины может модифицироваться в смыслы авторитетного, но совсем недавнего прошлого. Это прошлое относится ко времени правления православного царя, которое идеологами Московского царства воспринимается как эталон для православного правителя. Как уже отмечалось, «старые» порядки соответственно оцениваются как правильные, образцовые, которые надо восстановить и соблюдать: *...а которые обычаи в прежние времена после отца нашего великого князя Василия Ивановича всеа Руси и до сего настоящего времени поизшатался или в самовластии учинено по своим волям или прежние законы которые порушены* [Стоглав, гл. 4].

Используемая конструкция «при + местный падеж» служила в древнерусском языке, по мнению исследователей, «для обозначения неопределенного времени как момента в течение существования того или другого лица» [Ломтев 1956: 339]. В составе этой конструкции очень часто были собственные имена, что позволяет адресанту восприни-

мать их в качестве маркеров-указателей определенной исторической эпохи. Представляется естественным в данной конструкции использование имени правителя, так как в ней происходит соединение двух имплицитных высказываний: 1) наличие определенных правил и порядков в указанный момент времени; 2) выражение положительной оценки данных правил и порядков. Например: *И те вотчины вотчимем выкупати по духовным и по даным, и по иным крепостем по старине, по тем же старинным указом, как было при великом князе Иване Васильевиче всея Руси* [Стоглав, гл. 101]; *А которые села и волости, и рыбные ловли, и всякие угодия, и оброчные деревни после великого князя Василия бояре подавали архиепископом и епископом и монастырем, и того сыскав, учинити так, как было при великом князе Василии* [Там же].

В таких контекстах часто сначала показана «неправильная» ситуация, соответствующая настоящему, а затем предлагается «правильная» ситуация, выраженная императивом, который обосновывается ссылкой на «образцовые» времена при правлении образцового властителя: *А в которые будут монастыри или к которым церквам и нищим в ругах и в милостынях придача ново после великого же князя Василия, и те руги и милостыни новопридачные сыскав оставити, а учинити по старине, по тому же, как где давали ругу при великом князе Иване и при великом князе Василье Ивановиче всея Руси* [Там же].

Надо отметить, что прецедент как основа для императива, выраженного в текстах потестарной семантики, часто используется для утверждения правильности действий, мнений и оценок властей, касающихся настоящего. В Стоглаве же ссылка на прецедент является обоснованием для установления в будущем того, что должно быть в истинном православном государстве. Таким образом, «старина» и есть идеальное будущее.

Императив в подобных высказываниях выражается с помощью инфинитивных конструкций: *А на выход священникам на собор впредь ходити и за кресты по старине* [Стоглав, прилож. 26 мая 1551 г.]; *А отказывати тех людей о сроце о Георгиеве дни осеннем по государеву указу по старине же* [Стоглав, гл. 98]; *А предь бы митрополитом и архиепископом, и епископом, и монастырем держати свое старые слободы по старине о суде и о всяких делех по прежним грамотам* [Там же].

Употребление инфинитива в данных высказываниях, который не является собст-

венно императивной формой, объясняется несколькими причинами. Во-первых, при транспозиции инфинитива в семантический императив происходит не только увеличение категоричности высказывания (см. об этом: [Пешковский 1939: 207—208]), но и в большей степени проявляется «обязательность действия, неотложная потребность в нем, необходимость его наступления» [Храковский, Володин 1986: 196]. Для текста Стоглава именно эти смыслы и были важны. Во-вторых, как отмечают исследователи, специфика подобных конструкций «заключается в том, что в них выражается побуждение не к конкретному актуальному, а к некоторому потенциальному действию», а адресатом является «неопределенное множество слушающих» [Там же: 198]. Видимо, это также одна из причин частотного употребления инфинитивных предложений в текстах Стоглава, семантика которого предписывает правила поведения различным группам Российского государства.

Инфинитив в конструкциях с императивной семантикой допускает использование сослагательной частицы *бы*. В Стоглаве эта частица часто выражена при отрицательном императиве — прохибитиве: *...а новых бы слобод не ставити* [Стоглав, гл. 98].

Прецедент как основание для предписаний действий «по правилам» и образцам эксплицируется также и в сложных предложениях. Например, вся сложность иерархических отношений в логической структуре аргументации может быть выражена в паратаксических конструкциях. Ссылка на прецедент выражается в таком случае в одном из простых предложений сложной предикативной конструкции, связанных друг с другом по смыслу отношениями условия, а грамматически — сочинительными союзами: *А опричным приходим людем градским и сельским в тех старых слободах новых дворов не ставит. А в которых в старых слободах дворы опустеют, и в те дворы называти сельских людей пашенных и непашенных по старине, как прежде сего было* [Там же].

Прецедент, выраженный в одном из предложений паратаксиса, является основанием для выражения императива, обращенного к высшему лицу: *А прежде того, государь, твои наместники и волостели наших слобожан не суживали. И ты бы, государь, своим наместником и волостелем и впредь наших слобожан не велел судити* [Там же]. Высокий статус адресата в данном примере показывает, на наш взгляд, авторитетность прецедента в мировоззрении создателей текста.

Аргумент к старине выражается и в составе сложноподчиненного предложения с различными видами придаточных, которые уже содержат специальные союзы. Рассмотрим, например, придаточное условия: **...и будет та пошлина тиуну с попов и з дьяконов изстари шла, ино и впредь имать** [Стоглав, прилож. 26 мая]. В приведенном примере союз *будет*, который использовался для присоединения условных придаточных к главному предложению в деловой письменности древнерусских текстов [Ломтев 1956: 537], выделяет основание (*та пошлина изстари шла*) в аргументации действия, выраженного инфинитивом (*имать*). Зачинательная синтагма главного предложения, эксплицирующего то, что обусловлено в придаточном, проявляет семантику будущего — «*ино и впредь*». Императивное значение инфинитивной конструкции также актуализирует смыслы будущего. Опора на прошлую ситуацию как на авторитетный прецедент является необходимым условием в предписывании «правильного» будущего.

Таким образом, текст Стоглава, представляющий собой вид политико-правового древнерусского дискурса середины XVI в., в своих логико-аргументационных построениях опирается на различные смыслы. Приоритет «первого слова» и ориентация на деятельность предыдущих православных русских правителей, на традиции великокняжеского рода подчеркивает высокий статус старины в Стоглаве. Семантика «стародавности» является важным обоснованием упорядочивания различных «нестроений» в области политики и права этого периода.

Старина в древнерусских потестарных текстах становится идеологемой, актуализирующей исходные православные и общегосударственные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф. И. Соч. Т. 2. Древнерусская народная литература и искусство. — СПб., 1861.
2. Дьяконов М. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. — СПб., 1889.
3. Емченко Е. Б. Стоглав: исследование и текст. — М.: Индрик, 2000.
4. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России. — М.: Юристъ, 2003.
5. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. — М.: МГУ, 1956.
6. Михайлова Т. В. «Будущее обязательное» в профетических контекстах Ивана Пересветова // Вестн. КГПУ им В. П. Астафьева. 2013. № 1 (23). С. 181—185.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Учпедгиз, 1939.
8. Смирнов Дм., свящ. Проповеди. URL: <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/propoved>.
9. Стефанович Д. Ф., свящ. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. — СПб., 1909.
10. Филлюшкин А. И. Титулы русских государей. — М.; СПб., 2006.
11. Храковский В. С., Володин А. Н. Семантика и типология императива. Русский императив. — Л.: Наука, 1986.

ИСТОЧНИКИ

12. Стоглав. — Лондон: Truebner & Co, 1860.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. О. А. Солопова